

Глава 34. Воскрешение

В то время как этот погожий день дышал семейным теплом и покоем, над Столицей сгущались грозные тучи. Атмосфера была наэлектризована, словно перед бурей.

Армия демонов полностью замкнула кольцо окружения. Твари затаились всего в нескольких верстах от городских стен, жадно впиваясь взглядами в добычу. Казалось, отдай им единственный приказ — и эта голодная орава хлынет вперед, чтобы в один миг сожрать отрезанную от всего мира цитадель.

Трагедия, некогда разыгравшаяся у стен города Чанъи, теперь повторялась здесь, в имперском сердце страны, но в куда более жутком, исполинском масштабе. Возможно, кто-то из дрожащих от страха вельмож, запертых в осажденной Столице, сейчас вспоминал брошенный на произвол судьбы город Чанъи и шептал слово «расплата». Из города Чанъи давно не приходило вестей, и в глазах придворной знати он давно превратился в безмолвное кладбище.

В этот критический час решение Императора Хуаханя о назначении командующего обороной повергло двор в изумление. Многие сановники, позабыв о вековом страхе перед гневом повелителя и отринув привычную осторожность, осмелились открыто возражать.

Князь Аньшунь — Цзянь Линь. Нельзя сказать, что он не подходил на эту роль. Если говорить о боевом опыте и полководческом таланте, в Столице никто не осмелился бы поставить себя выше этого потомственного правителя. Он долгие годы удерживал заставу Чаннин — передовой рубеж борьбы с демонами, и лишь недавно был отозван в Столицу, где его фактически лишили реальной власти. Однако главная загвоздка крылась в его единственном сыне. Цзянь Сюй ныне командовал Армией усмирения юга — той самой, чья участь казалась предрешенной. И хотя Цзянь Линь вел разгульный образ жизни, годами не бывал дома и слыл плохим отцом, а его натянутые отношения с выросшим в Столице сыном стали притчей во языцех, голос крови трудно заглушить. Никто не мог поручиться, что, узнав о гибели сына, князь останется безучастным.

Однако воля Императора Хуаханя оставалась непреклонной. В конце концов недовольным пришлось смолкнуть. Теперь они лишь испуганно утешали себя мыслью, что любящий роскошь князь Аньшунь не решится в порыве безумия утащить за собой в могилу всю Столицу ради отмщения за непокорного сына... Верно ведь?

Вновь обретший колоссальную власть князь Аньшунь не спеша обходил оборонительные рубежи. На его лице не было ни самодовольного торжества человека, призванного спасти государство, ни панической суеты загнанного в угол зверя. Цзянь Линь держался с привычным, невозмутимым спокойствием. Величественные доспехи на редкость гармонировали с его благородными, красивыми чертами, однако взгляды солдат приковывала не внешность военачальника. От всей его фигуры веяло такой монументальной, скалистой уверенностью, что у людей невольно рождалось спасительное чувство: все идет строго по его плану.

Цзянь Линь прищурился, вглядываясь в даль. На горизонте земля вздымалась причудливыми, зловещими волнами разноцветных полос. Самое дальнее кольцо отливало мертвенным багрянцем и чернотой; ближе к стенам тянулась выжженная, увядающая палитра бурых и грязно-желтых тонов; и лишь у самого подножия укреплений жалась тонкая, до боли узкая полоска живой зелени, все еще пытающаяся защитить обреченный город.

Это была земля, отравленная дыханием Бездны — искаженная скверной демонов.

Отводя взгляд, военачальник краем глаза заметил нечто на обочине зубчатой стены. На одном из выступов было грубо насажено на длинное копьё чье-то тело. Проходившие мимо стражники то и дело плевали в него или лениво полосовали клинками. Это было месиво из изодранной плоти и костей — скорее бесформенный кусок мяса, нежели покойник. Настоящим чудом казалось то, что в этих останках все еще угадывались человеческие очертания.

Цзянь Линь скользнул по нему холодным взглядом и негромко приказал личному гвардейцу:

— Снимите это. И выбросьте за стену.

— Полагаю, в этом нет нужды.

Этот мягкий, почти девичий голосок принадлежал юноше в парчовом одеянии императорского желтого цвета. На его утонченном, изнеженном лице выделялись глубокие аметистовые глаза, под левым из которых темнела крохотная родинка — слезная метка. Несмотря на хрупкую, обманчивую внешность и вкрадчивый тон, никто во дворце не посмел бы выказать ему пренебрежение. И дело было не только в его царственном взоре, холодном и пронзительном, унаследованном от отца-Императора, но и в зловещей славе: еще в детстве этот принц прямо в тронном зале лично обезглавил вельможу, дерзнувшего оскорбить его мать.

Перед князем стоял пятый принц — Хуа Гуй, не успевший еще справить свое совершеннолетие, но уже ставший грозной силой, способной на равных соперничать с Наследником.

Он медленно поднялся на стену в сопровождении вооруженного телохранителя. Его фиолетовые глаза скользнули по изувеченной плоти, а затем остановились на князе Аньшуне. За все это время выражение его лица ни на йоту не изменилось — казалось, что это кровавое месиво, что сам великий воитель были для него лишь бездушными предметами, лишенными права называться людьми.

Цзянь Линь склонил голову в безупречном поклоне:

— Ваше Высочество.

В его манерах не было ни капли заискивания, но вежливость оставалась безукоризненной.

Хуа Гуй скрестил руки на груди, задумчиво коснувшись пальцами подбородка, и мягко улыбнулся:

— Оставьте церемонии, князь. Этот мерзавец посмел пойти против своего господина. Думаю, пусть повисит. Отличный пример для всякого сброда, что вздумает замышлять измену.

Он говорил с легкой полуулыбкой, изящно и небрежно, но от контраста его вежливых жестов с ледяным взглядом по спине пробежал озноб.

— Битва на пороге, — ровным, густым басом ответил Цзянь Линь. — Плевать в мертвеца — пустая трата сил, которые пригодятся нам в бою с тварями. Моим солдатам нужна ясная голова и твердая рука, а это зрелище лишь сеет ненужную смуту. Не затрудняйте службу вашего покорного слуги, Ваше Высочество.

Хуа Гуй слегка склонил голову набок:

— Что ж, это всего лишь жалкий предатель. Если князь Аньшунь настаивает — поступайте как знаете.

Принц перевел взор на клубящуюся вдали черную тучу демонических полчищ и тихо, вкрадчиво рассмеялся:

— Мой отец возлагает на вас огромные надежды, князь. Не разочаруйте его.

— Ваш слуга отдаст все силы до последнего вздоха, дабы оправдать доверие Его Величества.

Цзянь Линь повернулся в сторону императорского дворца и совершил глубокий, почтительный поклон.

— О, я непременно передам ему ваши слова, — небрежно бросил Хуа Гуй. — Буду с нетерпением ждать, когда князь Аньшунь явит нам свое хваленое ратное искусство.

Не одарив военачальника больше ни единым взглядом, принц сошел со стены.

— Доброго пути, Ваше Высочество, — бесстрастно произнес ему вслед Цзянь Линь, выдерживая этикет до конца.

Стоило им отойти на приличное расстояние, как следовавший по пятам телохранитель приблизился к принцу и зашептал:

— Ваше Высочество, разумно ли это? Тот человек... Если затаит обиду, это может обернуться

против вас.

Хуа Гуй скользнул по нему взглядом и вдруг улыбнулся. Его утонченное лицо озарилось пленительной, яркой красотой, словно распустившийся весенний цветок, в фиолетовых глазах блеснула лукавая искра, а родинка у глаза будто ожила, придавая облику пленительное, но жуткое очарование.

Он тихо обронил:

— Ну и пусть. Если встанет на пути — просто убьем.

Изувеченные останки предателя наконец сняли с острия копья и сбросили вниз. Тело с глухим стуком рухнуло у подножия стены, подняв небольшое облако пыли, и застыло бесформенной грудой.

На закате демоны предприняли несколько пробных вылазок. Потеряв под стенами пару тысяч своих тварей, они отступили назад в сумерки, словно накапливая силы перед настоящим, сокрушительным штурмом.

С приходом ночи на парапетах запылали факелы. Дозоры непрерывно всматривались во тьму, а те из воинов, кому выпал час отдыха, дремали в обнимку с оружием. В эту бесконечную ночь мало кому суждено было сомкнуть глаза без тревоги.

У самого подножия стен, в густой, почти осязаемой тени скопились горы трупов. Большей частью это были растерзанные демоны, но попадались и тела защитников. И вдруг там, в глубине этого зловонного кургана, одна из мертвых туш содрогнулась.

Оно не видело света, не слышало звуков и не чувствовало боли. Лишь одно первобытное, яростное ощущение жгло его изнутри, вырывая сознание из небытия.

«Голод... Какой дикий голод...»

Неутолимая, раздирающая самую душу жажда плоти наделила изломанный скелет чудовищной силой. Раздвигая навалившиеся сверху окоченевшие туши, существо упрямо карабкалось вверх.

Курган зашевелился. С самой вершины, кувыркаясь, скатилось тощее тельце поверженного демона-паразита. Его тонкие, похожие на сухие ветки лапы нелепо раскинулись в стороны, обнажая застывшую в предсмертной судороге пасть.

Стоявший в карауле новобранец вздрогнул и испуганно толкнул локтем плечистого ветерана:

— Слышишь? Там, внизу... Будто шевелится кто.

— Да брось ты, что там может быть?

Ветеран лениво выдернул факел из паза и перегнулся через зубец стены, направляя свет вниз.

В колеблющихся бликах огня проступили гротескные очертания груд мертвой плоти. Все было тихо. Никаких признаков жизни среди этих безмолвных холмов.

Сплюнув вниз, ветеран вернул факел на место и с размаху припечатал ладонь к плечу паренька, отчего тот покачнулся.

— Почудилось тебе! Не дрейфь, малый! Полезут эти твари — мы им живо бошки посшибаем!

Воин с ухмылкой сделал рубящий жест широкой ладонью.

Новобранец поправил съехавший набок шлем, покосился на беззаботного товарища, шумно сглотнул и промолчал. Шум недавней битвы все еще стоял в ушах, и в этой липкой ночной тишине любой шорох казался предвестником беды. Но, возможно, он действительно обознался.

А тем временем в глубине мертвых завалов костлявая, обглоданная кисть высунулась наружу и мертвой хваткой вцепилась в зажатую между тушами человеческую руку.

Это был павший защитник, которого утащил за собой со стены цепкий коготь твари. Возрожденный монстр потянул добычу на себя, но та застряла. Раздраженно дернув сильнее, существо с сухим треском оторвало конечность по самый сустав. Его собственное полуистлевшее тело при этом потеряло несколько кусков подгнившей плоти, но ему было все равно. Существо жадно поднесло оторванную руку к лицу и вгрызлось в нее.

Там, высоко над ним, бились живые сердца — их манящее тепло сводило с ума, но голод терпеть было невозможно. Повинуясь слепому инстинкту, оно принялось насыщаться тем, что было под рукой.

Из темных глубин костяного склепа донеслось мерзкое, влажное чавканье.

В далеком городе Чанъи Е Цан внезапно замер на полушаге. Он медленно повернул голову на юг, в сторону Столицы, и его алые глаза озадаченно сузились.

«Что за странное присутствие... Что это за аура?»

Перед его лицом заплясали чьи-то пальцы. Фэй Мэн заглянул юноше в лицо, а затем тоже посмотрел вдаль:

— Эй, парень, ты чего там высматриваешь? — Он нетерпеливо подтолкнул его плечом. — Шевелись давай, не спи на ходу! Пойдем поглядим, что за оборонительные махины там девчонка смастерила.

Длинные ножны плавно поднялись, перекрывая Фэй Мэну путь. Е Цан одарил его взглядом, полным неприкрытого презрения, и ледяным тоном процедил:

— Отойди. И не приближайся ко мне.

— Ах ты неблагодарный! — вспыхнул Фэй Мэн.

Его верный белый тигр, сидевший у ног, грозно рыкнул и мощной пружиной прыгнул на обидчика.

Клинок в ножнах мгновенно вернулся назад и с легким стуком опустился прямо на лоб хищника. Ошарашенный зверь, жалобно заскулив, отлетел обратно и свернулся у ног хозяина, обиженно мотая головой.

Фэй Мэн присел, ласково почесал питомцу уши и утешительно пробормотал:

— Ничего-ничего, в следующий раз у тебя точно получится.

Когда он поднял голову, Е Цан уже ушел далеко вперед, не обращая на него внимания. Фэй Мэн покачал головой, проворчал под нос: «Ну и характер у парня...» — и поспешил следом.

Если бы не тот факт, что во время прошлой битвы Е Цан несколько раз вытаскивал его собратьев по Башне Пронзающего Перья из лап смерти, Фэй Мэн, даже несмотря на личную просьбу Е Му присмотреть за этим упрямым, ни за что бы не стал терпеть его несносный нрав!

Впереди выросла крепостная стена. В неровном свете факелов на ней вырисовывались грозные силуэты нескольких механических гигантских зверей, замерших в ожидании боя. Рядом с ними радостно прыгала и махала руками Ло Ин. Неподалеку стоял Цзянь Суй, молчаливый и сосредоточенный, мысленно оценивая разрушительную мощь этих творений.

Как ни крути, а с такой инженерной подмогой шансы выстоять значительно возрастали. Фэй Мэн хмыкнул и довольно улыбнулся.

Сегодня в Чанъи все было спокойно.

Тем временем на государственном тракте, ведущем к Столице, стремительно мчался конный отряд. Юная Е Нуань, чьи длинные черные волосы свободно развевались по ветру, вдруг удивленно вскрикнула. Прижавшись к шее скакуна, она подняла взор к небесам.

В ее бездонных, темных глазах отразились мириады мерцающих звезд.

«Почему эта звезда оказалась там?..» — озадаченно прошептала она.

Вдруг из головы колонны донеслось яростное ржание. Всадники впереди резко натянули поводья. Лошади испуганно взвились на дыбы, натягивая удила до кровавой пены. Отряд с трудом затормозил. Началась суматоха, но благодаря отличной выучке наездникам удалось избежать столкновений и удержать строй.

— Что стряслось? — крикнул один из воинов, высылая коня вперед.

Но прежде чем ему успели ответить, из темноты впереди раздался чужой, вкрадчивый голос:

— Наследный принц, не желаете ли выйти и побеседовать?

Прямо посреди тракта в окружении полчищ демонов стоял огромный черный зверь, на котором восседал человек, с ног до головы укутанный в темный плащ. Подняв руку, Магистр спокойно ждал ответа.

С этим его жестом из чащи с шумом взмыли стаи птиц. Тысячи сов, предвещающих смерть, закрыли собой луну, оглашая окрестности зловещим клекотом. Из лесного полумрака, подобно прорвавшемуся муравейнику, хлынули черные волны демонов, мгновенно взяв горстку из нескольких десятков всадников в плотное кольцо.

Воцарилось тяжелое молчание. Спустя мгновение всадники расступились, и вперед выехал одинокий всадник.

Хуа Хэн окинул взглядом окруживших его врагов и, остановив взор на фигуре в капюшоне, спокойно произнес:

— Вы безусловно выбрали время для засады.

Эта дорога была тем самым путем, по которому совсем недавно спешно отступали

императорские войска, осаждавшие Лагерь Большой Медведицы. Судя по сведениям, полученным Хуа Хэном при посещении лагеря, армия прошла здесь от силы полдня назад. И хотя сейчас демонов собралось великое множество, перед лицом объединенной Имперской армии они бы не устояли. Значит, враг не вступал с ними в бой, а воспользовался точными донесениями лазутчиков и выждал идеальный момент.

Наследный принц отправился в Лагерь Большой Медведицы тайно, взяв с собой лишь горстку верных телохранителей. Откуда у демонов эти сведения? Ответ на этот вопрос следовало искать позже, сейчас на кону стояли их жизни.

Припомнив то, что секунду назад шепнул ему на ухо один из гвардейцев, Хуа Хэн проехал еще несколько шагов вперед:

— И все же мне любопытно: чем ваш покорный слуга заслужил столь пристальное внимание, что ради меня одного вы стянули такие силы? Не просветите ли?

Человек в плаще приподнял голову, словно пристально разглядывая принца.

— У меня нет к тебе личной неприязни. Напротив, я искренне восхищаюсь твоим умом, — раздался из-под капюшона тихий, притворно-сочувственный вздох. — Но твоя судьба предрешена — ты должен умереть. И вместо того чтобы принять смерть от моих рук, не лучше ли тебе покончить с собой прямо сейчас? Обещаю: как только твое тело бездыханным падет на землю, я позволю твоим людям уйти невредимыми.

Наследный принц ненадолго задумался, будто и впрямь взвешивал это безумное предложение. Спустя мгновение он спросил:

— Вы даете слово?

Среди его гвардейцев поднялся ропот. Несколько всадников спешно преградили ему путь конями, выкрикивая:

— Ваше Высочество, не слушайте этого лжеца!

Плащ Магистра дрогнул, и из-под него вырвался холодный хрип:

— Дерзкие псы!

В ту же секунду во тьме сверкнула ослепительная молния. Скорость ее была невероятной, она метила прямо в головы заговоривших воинов.

Раздался оглушительный металлический звон. Один из гвардейцев на упреждение взмахнул

тяжелым боевым молотом, приняв удар на себя. Снаряд со свистом отлетел прочь, но сам воин едва удержался в седле, тяжело выдохнув:

— Какая нечеловеческая мощь!

Этот выпад послужил сигналом к действию. Хуа Хэн мгновенно развернул коня и скрылся в глубине отряда. Наездники пришли в движение, стремительно меняясь местами и выстраивая сложный, математически выверенный боевой порядок.

Для круживших в вышине сов отряд внизу вдруг превратился в единый, непрерывно вращающийся исполинский диск. Стоило взглянуть на него пристальнее, как кольцо двоилось, троилось, рассыпаясь на множество призрачных кругов, от которых веяло такой смертоносной, ураганной мощью, что испуганные птицы с истошным криком бросились врассыпную, роняя на землю тучи черных перьев.

Боевой дух — вещь неосязаемая, но сейчас демонам казалось, будто эта невидимая сила материализуется, с каждым витком строя возрастая стократно. Несмотря на колоссальное численное превосходство, твари почувствовали, как внутри них зарождается первобытный страх и желание бежать без оглядки.

Воины обнажили оружие: в вышине зловеще сверкнули клинки, копья, секиры и тяжелые палицы. Стоило командиру в центре указать направление своим мечом, как весь отряд послушно следовал за его волей, словно единый живой организм.

Пока внимание демонов было приковано к наследному принцу, воины успели бесшумно перестроиться в идеальное каре. Теперь их ряды дышали несокрушимым единством, готовые в любой миг отразить удар. Даже против полчищ врага они вышли бы на этот бой с абсолютной уверенностью в победе.

Это было скрытое умение ветки военного искусства Лагеря Большой Медведицы — [Душа строя].

Этот отряд состоял из лучших воспитанников Лагеря Большой Медведицы. Временный глава школы лично отобрал их для сопровождения Наследного принца в Столицу — воинов с колоссальным боевым опытом и безупречной реакцией.

Командир направил острие клинка вперед и выдохнул громовой клич:

— В бой!

— К бою! — единым яростным ревом отозвались десятки глоток.

Отряд мгновенно вытянулся острой стальной иглой и на полной скорости ринулся на

преграждавших путь демонов.

Е Нуань мчалась в самой гуще атакующих. Ощущая, как воздух вокруг буквально плавится от яростной жажды битвы, она ласково похлопала коня по напряженной шее и тихо прошептала:

— А здесь весело. Что ж, давайте я вам немного помогу.

В это время далеко отсюда Е Му внимательно изучал развернутую перед ним карту.

На ней мерцали десять зеленых точек — предел возможностей его системы слежения. Он привык ежедневно проверять их местонахождение, но сегодня одна деталь заставила его насторожиться: маркер Е Нуань покинул территорию Лагеря Большой Медведицы и стремительно двигался... в сторону Столицы?

Мужчина приблизил масштаб, открывая план Столицы. Две другие зеленые точки, принадлежащие Цзянь Линю и Ло Ин, медленно перемещались в черте города. Все выглядело вполне мирно.

И все же сейчас Столица была сущим адом. Зачем Е Нуань направилась туда?

Е Му поднял глаза. Маленький Е Мин сегодня почему-то не спал. С тихим увлечением он раскладывал на столе всякие безделушки, купленные во время дневной прогулки — точно так же, как обычно расставлял свои склянки и баночки с алхимическими снадобьями: ровными, аккуратными рядами, словно солдатиков на параде.

Отец негромко позвал его:

— А-Мин, иди-ка сюда. Поможешь мне провести один опыт.

Мальчик послушно оставил свои игрушки, прыгнул со стула и подошел ближе:

— Что нужно делать, папа?

— Сынок, пройдишь-ка по комнате так, чтобы твои шаги очертили иероглиф «Е».

— А?..

Спустя четверть часа вконец измученный Е Мин пулей взлетел на кровать, юркнул под одеяло и свернулся там плотным коконом, из которого наружу торчало только личико. Крепко

зажмурив глаза, он с предельно серьезным видом выдавил:

— Папа, А-Мин очень хочет спать.

Е Му молча подошел к постели и попытался потянуть за край одеяла, но натолкнулся на отчаянное, глухое сопротивление. Завернутый в кокон ребенок, червяком извиваясь, уполз к самой стене и, безошибочно нащупав головой подушку, нравоучительно изрек:

— Папа, детям нужно много отдыхать, чтобы расти здоровыми. Тебе тоже пора спать.

Мальчик категорически не желал больше изображать из себя живую кисть для каллиграфии и глупо вышагивать по полу кругами. Отец ведь стоит прямо перед ним! Если нужно что-то сказать, почему нельзя просто открыть рот, зачем вытапывать слова на ковре?

Глядя на эту зажмуренную, «спящую» мордашку, Е Му вздохнул:

— А-Мин, ты обувь забыл снять.

Одеяло на секунду замерло, затем сердито заерзало, и из-под шерстяного вала наружу поочередно вывалились два крохотных башмачка.

Молча подобрав обувь и аккуратно поставив ее у кровати, Е Му вернулся к столу и открыл системный интерфейс.

Проведенный опыт показал, что общаться через отслеживание траектории движения точек на карте вполне реально, хоть и безумно утомительно. Но если упростить задачу и договориться, что движение в определенные стороны означает обычные «да», «нет» или «не знаю», дело пойдет куда быстрее.

Зайдя во вкладку личных сообщений, он набрал текст.

[Личное сообщение для Е Нуань: Нуань-нуань, не бойся. Это папа]

Тем временем на тракте Е Нуань резким взмахом руки пустила в ход свой кожаный хлыст. Оружие послушной змеей обвилось вокруг шеи ближайшей твари. Сильный рывок назад — и демон рухнул наземь со сломанным хребтом. Одновременно с этим девочка гибко пригнулась к седлу, уходя от когтей другого чудовища.

В этот самый миг в ее сознании прозвучал далекий, родной голос.

Е Нуань удивленно моргнула, и ее холодное, отрешенное лицо вдруг озарилось нежной, по-

детски невинной улыбкой. Нападавший на нее демон от такого жуткого преобразования растерялся и застыл на долю секунды — этого хватило, чтобы стальное жало на конце хлыста мгновенно раздробило ему гортань.

«Нужно покончить с ними поскорее, чтобы поговорить с папой»

Она прикусила губу и, посмотрев на обступивших ее тварей, мило пропела:

— А ну-ка, сдохните поскорее.

Словно из ниоткуда поползла густая, непроглядная мгла — чернота куда более глубокая, чем сама ночная тьма. Она беззвучно поглотила демонов, преграждавших путь отряду. Все, чего касался этот призрачный туман, мгновенно растворялось, будто весенний снег под палящим солнцем. Твари исчезали бесследно, не успев даже издать предсмертный хрип.

Возглавлявшие атаку всадники внезапно почувствовали, что напор врага ослаб, а ряды демонов перед ними поредели. Не понимая причин этого чуда, но мгновенно сориентировавшись, они рванулись вперед и единым мощным натиском разорвали кольцо окружения.

Провожая взглядом скрывающийся в ночи отряд, Магистр медленно поднял руку, приказывая демонам прекратить погоню. Цель выскользнула из его рук, однако из-под капюшона донесся тихий, довольный смешок. Настроение у него явно улучшилось. Твари вокруг замерли, боясь вздохнуть и стараясь казаться как можно меньше, недоумевая, не лишился ли их господин рассудка от злости.

— Какая любопытная находка, — негромко пробормотал он.

Взор Магистра замер на лежащей в пыли оторванной конечности демона. Срез был идеально ровным, словно плоть рассекли острейшим лезвием, однако самого тела поблизости не было.

Поглощение... Насколько он помнил, этой силой обладал один редкий врожденный духовный объект. Жаль, что сейчас он отправил Ли выполнять другое поручение, иначе эту девчонку можно было бы схватить прямо здесь.

— Что ж... Поживи пока, — протянул голос из-под шевельнувшегося плаща.